

Подруга

Яреци Фернандез

До отъезда из монастыря осталось совсем немного времени, и девушка боялась неизвестности. Что будет там, в далёком и чужом Пекине? Тору вернётся на работу, а она останется с дочерью. Но она теперь почему-то боится быть рядом с Кимико. Ей было страшно, что она может сделать что-то не так, от чего Тору рассердится и выгонит её. Она боялась, что не сможет вовремя успокоить плачущую дочку или не сможет уделять ей много времени. Так как в Пекине, в отличие от монастыря, нет ни столовой, ни амбара с продуктами. Там, в Пекине, есть большая и уютная квартира, которую они начали с Тору обставлять полтора гола назад, в день рождения. Ну как обставлять... тогда там было кресло, маленький холодильник и что-то ещё. Сейчас она боялась.

Сегодня Тору снова забрал Кимико и снова не стал ничего ей говорить, а она продолжила убираться и складывать в небольшую сумку вещи, которые они собирались взять. Снова посмотрела на альбом и убрала его в ящик комода. Но потом подумала, что там, в пустой квартире, будет тяжело без таких дорогих её сердцу фотографий любимых людей. Хоть альбом, наверное, будет хоть иногда скрашивать её одиночество холодными ночами. Она положила альбом в сумку и достала косметичку. В ней лежала подвеска Дарсии, и она пыталась вспомнить, каким образом она вообще там оказалась. Потом вспомнила, что на следующий день после этого случая, она просто машинально вытащила её из кармана джинсов и переложила в косметичку, которой перестала пользоваться. Зачем краситься, если мужу неприятно находиться с ней? Вот она и не красилась. Может быть, в Пекине, она продолжит краситься, но пока смысла нет. Никакого.

Собрав сумку и снова посмотрев на кулон, она глубоко вздохнула и вышла из дома. Направилась к дому Давенпортов, надеясь, что там кто-то будет. Она просто передаст кулон. Она просто не будет смотреть на того, кому передаёт кулон. Потому что смотреть в глаза нельзя. Она перестала смотреть в глаза Тору, боясь, что снова случайно (или осознанно) проникнет в его мозг. Она старалась не смотреть в глаза дочери, боясь, что тоже может проникнуть в её мозг. А что там у детей в мозге происходит?

Она долго стояла у двери, никак не решаясь постучаться. Но всё-таки собралась с мыслями и робко постучала в дверь. По крайней мере, она больше никогда не увидит свою подругу. Она была уверена, что не увидит, так как не планировала в ближайшие годы возвращаться в монастырь...

Дарсия Давенпорт

После той дикой истории в горах Дарсия начинала понемногу успокаиваться. Потому что Стефано... ну, он вроде бы оставался нормален. Дарси зорко наблюдала за ним изо дня в день, но так ни разу и не увидела признаков того, что в его голове, в его хрупком, бесценном сознании что-то сломалось, и это постепенно приглушало тревогу. Которая, однако, так и не уходила полностью, потому что Дарсия твердила себе, что она могла прогляпнуть и что-нибудь не заметить. Поэтому девушка так и

продолжала жить беспокойно и нервно дёргаться. И на стук в дверь постоянно летела первая с криком "я открою!", каждый раз панически ожидая, что это Стефано пришёл рассказать ей о каком-нибудь все же случившемся неприятном открытии. Так и сейчас, на очередной стук в дверь Дарсия полетела первая, едва с удивлением отмечая по дороге, что какой-то он очень уж робкий, почти тихий. Но это, наверное, стало логичным, когда за дверью обнаружилась виноватая и тихая Яреци с опущенными глазами.

- Тебе чего? - сухо спросила Дарси, застывая в дверях и напрочь перекрывая собой проход, так, что теперь её пришлось бы стоптать, чтобы попасть внутрь. Несмотря на откровенно разбитый вид Яреци, доверия к ней больше не было никакого - в доме про ментальный щит знает только Валентин, да и этот, кажется, только знает, а ставить не умеет. А Эмиль, а мама, а они же с ментальной магией совсем на "вы". Подумав, что она стоит ненадежно и неправильно, Дарси перешагнула через порог, закрыла за собой дверь и подперла её спиной. И уже в этой позе горе-защитницы холодно повторила: - Что тебе?

Яреци Фернандез

Вскоре дверь открылась, и послышался холодный голос Дарсии. Она вздрогнула и закрыла глаза. Потом вздохнула и осторожно подняла голову и робко посмотрела на Дарсию. Та стояла уже на пороге, закрыв дверь, чтобы ее никогда не пустить к своим родным. Она на мгновение представила, что Тору тоже как-то возьмет и не пустит ее на порог дома. Потому что она чудовище. Потому что она не умеет контролировать свои способности и всем делает только хуже. Она не имеет права быть подругой.

Она горько усмехнулась и снова опустила голову.

- Я... держи, это, наверное, твое, - она достала из кармана толстовки подвеску и протянула подруге. - Я должна была тебе ее вернуть раньше, но вспомнила о ней только сейчас.

Она старалась говорить холодным и сухим тоном, ей нужно всего лишь отдать подвеску и вернуться домой, чтобы собираться дальше. Ей предстоял тяжелый путь в Пекин. Там есть квартира, их квартира, на которую она, если вдруг что случится, не будет претендовать.

Она совершенно не знала, что говорить и надо ли. Наверное, нужно просто уйти. Но она почему-то не стала этого делать.

- Тебя Маркус не поранил? Я должна была заниматься со своим братом, но не уделяла ему должного внимания. Прости его, пожалуйста. Он сам в шоке от случившегося, - договорила она после затянувшегося молчания. Неизвестно, правда зачем.

Дарсия Давенпорт

Задавая свои вопросы, Дарсия даже толком не представляла себе, что именно она хочет услышать в ответ. Да хоть что-нибудь, наверное: сейчас Дарси совершенно не представляла себе, зачем Яреци могла возникнуть у её порога, разве что пыталась крайне смутно догадываться.

Реальность же одним махом опровергла и растоптала её робкие догадки. Дарси сперва с подозрением уставилась на нечто, появившееся в ладони Яреци, а затем, опознав в этом потерянный маленький серебряный рог, восхищенно ахнула: - Ой, Яри, ты его нашла!...

И, пока Дарсия тянулась за вновь обретенной подвеской и надевала её, она несколько секунд кряду искренне любила Яреци. Как будто все по-старому, как будто ничего и не произошло. Но, когда цепочка обвела её шею, а две серебряных подвески, рог и дракон, зазвенели, переплетаясь на груди, девушка вновь посуровела, вспомнив, из-за чего они с Яреци поругались.

- Пойми меня, пожалуйста, правильно, - медленно сказала Дарси, искренне стараясь не торопиться и говорить, а не рубить с размаху. - Я очень тебе благодарна за то, что ты нашла мою подвеску. Это для меня очень важная вещь. Спасибо тебе за неё, правда, спасибо. Но понимаешь, я уже просто не могу верить тебе так, как раньше. Не могу, не верю.

Яреци же принялась извиняться за гиену - как будто она не понимала, что не в гиене тут дело. Дарси переспросила: - Так гиена, это был оборотень? Это был твой брат? Ты поэтому напала на Стефано? - Это, наверное, должно было все прояснить, но не прояснило примерно ничего. Дарси все так же находила поступок Яреци диким и необъяснимым, и её все так же мучило непонимание.

Яреци Фернандез

Яреци ничего не ответила, когда Дарсия забрала у неё подвеску. Надо было просто уйти. У подруги сейчас, должно быть, дела, а она мешает ей. Она всегда всем мешает. Надо просто уйти и заниматься тем, чем занимаются все женщины, которые выходят замуж. Домашним хозяйством, воспитанием ребёнка. Никаких друзей, никаких разговоров.

Главное, не смотреть в глаза...

Она снова опустила голову, очень низко, почти прижав подбородок к груди, от чего заныла спина где-то в области лопаток, и зажмурилась.

- да, это мой брат. Кузен. Его отец, мой дядя... который нам подавал кольца на церемонии... от него отказался... ладно, это совершенно неважно. Я... да, я, наверное, не должна была ничего этого делать. Просто... я испугалась за него. Я... - она до крови закусил губу и быстро стёрла выступившие на глаза слёзы. Всё это её положение ей самой абсолютно не нравилось. Надо сделать эту чёртову пару шагов, они перерастут во много шагов, и она уйдёт. Нужно всего лишь дожить здесь до завтрашнего утра, а потом всё... она перестанет мозолить глаза любимым людям. Она понимала, что её никто никогда не простит. Она не должна была бросаться на Стефано. Она не должна была спать. Она не имела права спать днём...

- Я... не буду у тебя просить прощения, я... виновата перед тобой и перед твоим парнем. Я... завтра уезжаю. Я, наверное, не вернусь сюда. Спасибо тебе за твою дружбу и... береги себя...

Наверное, это было глупо. Но она почему-то продолжила стоять, до крови закусив губу и стараясь не зареветь. Вот это сейчас было лишним...

Дарсия Давенпорт

- Я умею держать ментальный щит. Ты можешь на меня смотреть, - сказала Дарси, заметив, как Яреци старательно горбится, опуская глаза и голову. Они со Стефано только-только обсудили тему зрительного контакта со всех сторон, так что сейчас снова вспомнить о ней было несложно. Девушка, правда, подозревала, что если Яреци навалится на неё изо всех сил и всей мощью, то от её ментального щита только щепки полетят, но все равно посчитала нужным сказать то, что сказала. Сейчас её бывшая подруга вела себя так, словно ей достался острейший клинок, с лёгкостью рассекающий людей пополам, а она, вместо того, чтобы найти ему достойные прочные ножны, стыдливо носила клинок в рукаве и надеялась, что никто на него не наскочит и о него не поранится.

- Да все мы там были хороши, - нехотя признала Дарсия. Как ни прискорбно, как ни грустно, но даже её чудесный, верный Стефано, искренний в желании её защитить, чересчур поддался этому порыв. Хотя Дарси прекрасно помнила, как она сама пришла почти в бешенство, увидев, как Яреци атакует юношу, и поэтому где-то понимала, что он почувствовал.

- Ты знаешь, - зачем-то призналась Дарси; наверное, её к этому подтолкнули слова Яреци о том, что она уезжает, чтобы не вернуться, - я когда-то очень хотела быть похожей на тебя. Я смотрела и думала: вот Яреци, она такая красивая, умная, сильная. У неё все так замечательно получается, вот она уже мастер, а вот у неё уже такая славная семья... Но я, похоже, все это время смотрела не туда. Что-то не видела, что-то очень важное. А теперь... теперь я, наверное, больше не хочу быть на тебя похожей. Совсем, - тихо закончила Дарси. Она даже, наверное, ожидала, что Яреци скажет ей в ответ что-нибудь резкое - все равно уже вряд ли можно поссориться сильнее, чем они уже успели.

Яреци Фернандез

Она только чуть-чуть подняла голову, чтобы мышцы шеи и спины меньше болели. Она не стала поднимать голову так, чтобы иметь возможность смотреть на Дарсию. Если бы можно было уничтожить все эти способности, то она бы смогла смотреть на подругу. Если бы можно было использовать какие-то очки, то она бы смотрела на подругу. Она никогда больше не будет смотреть людям в глаза. Даже своей наставнице. Хотя наставница, конечно, сможет спокойно разрушить её ментальный щит, уничтожить её. Может, это единственный выход? Она не имеет права пользоваться этими способностями.

- Я... понимаю. Ты защищала своего любимого человека. Я надеюсь, ты будешь счастлива и любима с ним. Я очень хочу, что вы будете счастливы. Цените то, что у вас есть. - Тихо сказала она, понимая, что голос предательски дрожит. Губы сильно болели и опухли, во рту чувствовался противный вкус крови. Но она продолжала кусать губы.

- Я... прости... я... - она подняла голову, но через мгновение снова её опустила. - Ты сильная, Дарсия. Ты... очень храбрая. Ты намного храбрее меня. Ты... защитила его от монстра. А я... я не смогла защитить Тору от бандитов. Я должна была его толкнуть. Я должна была сделать что-то, когда начался этот ужас. Они прятались за нами с Джуном, а я... я просто стояла. Я боялась... Я трусиха, я...

Она закрыла лицо руками и подавила в себе всхлип. Почему она не ушла раньше?

Почему она вызывает у людей отвращение? Чего она хочет добиться? Ничего она не хочет добиться. Она глупая психованная истеричка.

- Извини, ты не обязана слушать мои сопли. Но... спасибо тебе, что была моей подругой. Я была рада дружить с тобой. И... я была рада, что ты присутствовала на нашей свадьбе. Спасибо тебе.

Она развернулась, чтобы уйти. но осталась стоять на месте. Наверное, где-то в глубине души она хотела, чтобы её пожалели или обняли, но ведь Тору прав. Он всегда был прав. Она не умеет быть сильной, и все эти её истерики могут скоро надоесть окружающим её людям...

Дарсия Давенпорт

- О, да у нас тобой у обеих полные руки разнообразных "я должна была", верно? - печально усмехнулась Дарсия. Она отчётливо вспомнила, как сама, казалось, только вчера вслух перечисляла Стефано, сколькими способами могла пустить события в другое, менее трагическое русло, но вот именно столько раз облажалась и ничего не сделала, или сделала, но не то, или то, но слишком поздно. А теперь примерно тем же текстом, только по другому поводу, сыпала и Яреци. Как же они все-таки были похожи, ужасно похожи, потому в свое время и зацепились друг за друга. А теперь рассыпались, прощались друг с другом, может быть навсегда.

И, как бы Дарси ни была уверена в том, что на бывшую подругу она обижена смертельно и навсегда, расставание все равно ощущалось горечью. Как будто что-то некогда ценное теряло свою силу, исчезало, рассыпалось прахом.

- Яреци! - все же окликнула Дарсия, делая маленький шаг вперед. И, стараясь звучать как можно убедительнее, сказала: - Яреци, это не выход. Да, так, как было раньше, совсем не годится, ментальная магия - это не ответ на все вопросы. Но и так, как сейчас, сделать вид, что магии никогда не было и начать давить ее в себе - Яри, это же другая крайность, из этого тоже ничего хорошего не выйдет! - Дарси делала последнюю попытку вразумить Яреци, уже с тоской предчувствуя, что ничего у них из этого не выйдет. Что полумер Яреци почему-то категорически не приемлет, хотя именно там чаще всего кроется баланс и золотая середина.

Яреци Фернандез

Когда подруга ее окликнула, она сильно зажмурилась. Захотелось убежать, исчезнуть, никогда больше ни с кем не разговаривать. Потому что она боится сказать или сделать что-то неправильное. Она всегда делает что-то неправильное. Она сдавала экзамен по каллиграфии, и она должна была заниматься каллиграфией. Переписывать трактат какого-нибудь философа, учиться писать иероглифы с закрытыми глазами, под музыку. Имея знания по каллиграфии можно открыть какую-нибудь небольшую школу, чтобы обучать людей этому. Но она почему-то решила заняться ментальной магией. Она не имеет права считать себя мастером, она должна либо отказаться от этого статуса, либо забыть о ментальной магии. Но уже поздно это забывать.

- Мы все хотим быть на кого-то похожими. Я мечтала о друзьях, свободе. И я... все потеряла. У меня больше нет свободы. Я... завидую тебе, Дарси, - она слабо улыбнулась и повернулась к подруге. Она не будет ее считать бывшей подругой. Она ее считает просто подругой. - Ты свободна, у тебя есть друзья, любимый

человек. Попроси у него за меня прощения, я действительно не должна была все это делать...

Она на секунду представила, что было бы с Дарсией, если бы на помощь никто не пришел. Маркус не хотел превращаться обратно, гиена завладела его сознанием. Он бы оттяпал руку или ногу девушке. И тут бы была тоже вина Яреци, пусть и косвенная. Девушка ощутила прилив паники, в груди неприятно защемило. Она посмотрела в глаза подруге, а потом резко побледнела и опустила голову, испуганно зажмурившись.

- Я... наверное, стоит сказать "пока". Или "прощай"? Мы с Тору можем развестись, и тогда я... не буду претендовать на дочь. Я... боюсь... а если не разведемся, то... я приеду сюда как-нибудь.

И она развернулась и направилась прочь.

Дарсия Давенпорт

Как Дарси и опасалась, Яреци её как будто не услышала. Да, она отреагировала на голос и встрепенулась, да, слова полились рекой, словно вдруг прорвало плотину, но это все имело очень мало отношения к тому, что Дарси ей сказала.

- Свободна от чего? - не поняла Дарсия. Это коротенькое слово показалось ей вдруг странным в речи Яреци, чужим и неуместным, непонятно к чему относящимся. Но поймать девушку, чтобы выяснить у неё, к чему она клонит, уже было невозможно. Яреци уже убегал, Дарси почувствовала это по тому, как она заспешила договорить, почти глотая окончания слов. Ногами, может, ещё и стояла здесь, а вот мыслями уже явно мчалась как можно быстрее и дальше.

А потом, да - и развернулась через плечо, успев перед этим кинуть на Дарсию прямой, но бесконечно испуганный, словно весь залитый слезами взгляд, и заспешила прочь.

- Тогда прощай, - тихо сказала Дарси вслед и поежилась. Ей эти полные слез глаза, похоже, теперь ночами сниться будут - всегда они с Яреци друг другу такие слезы утирали, меняли их на улыбку, печаль на надежду. И сейчас, хоть Дарсия и была с Яреци в глубокой ссоре - её не покидало ощущение, что, не догнав и не попытавшись утешить, она сделала что-то очень неправильное. Опять нажала где-то, где было важно.
